

ЗНАЧЕНИЕ РЫБОЛОВСТВА В ФИНАЛЬНОМ КАМЕННОМ ВЕКЕ НИЖНЕГО ПРИОБЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛЕНИЯ ГОРНЫЙ САМОТНЁЛ-1)

© 2018

Тупахина Ольга Сергеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора археологии**Тупахин Даниил Сергеевич**, младший научный сотрудник сектора археологии*Научный центр изучения Арктики (г. Салехард, Российская Федерация)*

Аннотация. Значение рыбной ловли в истории человечества чрезвычайно высоко. Наряду с важнейшим продуктом охотничьего промысла – мясом, рыба на протяжении всей своей истории была базовым компонентом системы питания человеческих коллективов в самых разных климатических и географических условиях. Этому способствовала как привязанность коллективов к водным ресурсам (озерам, рекам, морям, океанам), так и высокая пищевая ценность акваресурсов. Первые свидетельства существования рыбалки как самостоятельной хозяйственной отрасли относятся к палеолитическому времени, а дальнейшее ее развитие идет на всем протяжении человеческой истории, получив свое развитие от простейших форм лова при помощи острог до современных форм промышленного лова при помощи специализированного флота. Интересующий нас период, относящийся к финалу каменного века, характеризуется широким применением рыболовных сетей для массового вылова рыбы. Такой способ, на наш взгляд, стал основой высокоэффективной адаптационной стратегии, которая позволила отдельным коллективам освоить Нижнеобской регион, отличающийся весьма сложными климатическими условиями, труднодоступностью и удаленностью территорий. Затронутые в работе проблемы снова поднимают вопросы, связанные с определением роли и значения рыбного промысла не только для севера Западной Сибири, но и древних экономик Северных и Арктических регионов.

Ключевые слова: поселение Горный Самотнел-1; каменный век севера Западной Сибири; энеолит; Нижнее Приобье; сетевое рыболовство; адаптационная стратегия; анализ пищевого нагара; фаунистические остатки; хозяйственная адаптация; оседлое рыболовство; эксплуатация акваресурсов; археология Арктики.

Значение рыбной ловли в человеческой истории сложно переоценить. Исследователи по-разному склонны оценивать роль, место и значение рыболовства в экономике разных эпох и территорий, однако его возникновение, а также складывание как отдельной хозяйственной отрасли относится к глубокой древности. Так, П.П. Борисковский [1, с. 119] считает, что эпизодический лов рыбы практиковался в Мустьерскую эпоху (250–40 тыс. л.н.), Г. Чайлд находит свидетельства sporadического рыбного промысла в Ориньякское время (22–24 тыс. л.н.) [2, с. 39], Г. Кларк [3, с. 39] и П.П. Ефименко [4, с. 494] склонны видеть бытование отдельных практик в Мадлене (18–11 тыс. л.н.). Что касается времени выделения рыбного промысла в отдельную, самостоятельную отрасль хозяйства, единой точки зрения не сложилось. Так, В.М. Массон [5, с. 33] считал, что рыбный промысел получает развитие в позднепалеолитическое время. Наряду с этим существует иная точка зрения на проблему, где развитый рыболовный промысел в Северной части Евразии связывается с мезолитическим временем и сопутствующими этому времени климатическими изменениями ледникового генезиса [6, с. 14]. Непосредственными причинами возникновения самого феномена рыбной ловли в первобытности многие исследователи называют кризис охотничьего хозяйства, который принудил древнее население к поиску альтернативных охоты способов добычи белковой пищи в окружающей среде [7, с. 168; 8, с. 83]. Наиболее архаичными снарядами промысла называют древковые орудия колющего типа: это остроги и гарпуны различных типов [9, с. 18–19]. Стоит отметить, что интерпретация орудий в качестве гарпунов в коллекциях археологических памятников, а следовательно, и оценка промыслов, бытовавших в древности, является вопросом отдель-

ной дискуссии [10, с. 178]. Интенсивное развитие рыболовства прослеживается в мезолитическое время, именно в это время идет развитие отрасли, приведшей как к появлению усложненных древковых орудий лова (в частности, гарпунов с остриями специфических форм), так и к появлению качественно иных техник лова и используемых типов орудий, как то: крючковых снастей, ловушек (верши, запоры, котцы), сетей [11, с. 7].

Некоторые исследователи связывают переход к рыболовному промыслу с изменением хозяйственного уклада древних обществ, где массовый вылов становится, как минимум, причиной оседлости эпизодической, например сезонной [12, с. 283; 13, с. 203], и, как максимум, – одной из причин возникновения феномена оседлости постоянной, долговременной. Стоит отметить, что при совпадении ряда благоприятных условий производительность рыболовства позволяет даже провести параллели с земледелием (по таким признакам, как оседлость населения, сезонный характер получения ресурса, фиксированный по площади участок земли/водоема). Подобное описание «оседлых рыболовов», чья экономика основана на рыбном промысле и торговле, приводит в одной из своих работ Дж.П. Мёрдок. Примечательно, что в качестве иллюстрации этого феномена исследователь приводит данные из абсолютно разных регионов мира. Так, иллюстрируя хозяйственно-экономический уклад, базисом которого является рыбный промысел, этнографическими данными, он отмечает, что такой тип хозяйства характерен как для обитателей западной и центральной Африки, так и для аборигенного населения северной части Тихого океана, северо-западной части Азии. С известной осторожностью можно предположить, что процесс перехода к оседлому или полuosедлому рыболовству универ-

сален для человечества в целом, хотя и разнятся в деталях [14, р. 15]. Рассматривая Сибирский макро-регион (в частности, территорию Северного Зауралья и севера Западной Сибири), стоит отметить, что существование здесь экономики, как минимум полуоседлого типа, в хронологическом отрезке неолит – бронза, неоднократно упоминалось в ряде исследований. Однако топография описываемых поселений – побережья не крупных рек (главным образом, устья и истоки) и проточных озер [15, с. 225; 16, с. 104] – ключевым образом отличается от топографии поселения Горный Сомотнел-1, где эксплуатировались биоресурсы крупнейшего в регионе водоема – реки Оби.

Рассматриваемый нами регион Нижнего Приобья, лежащий в границах Ямальной Арктики и Субарктики, традиционно относится к ареалу комплексной присваивающей экономики. Разнообразие природных условий территории обуславливает широкую вариативность хозяйственных задач, в процессе реализации которых сложились коллективы, объединенные совместной деятельностью, направленной на обеспечение жизнедеятельности в соответствии с выбранной адаптационной стратегией. В конце IV–III тыс. до н.э. в регионе известны три группы населения, отличающиеся друг от друга культурными традициями и типом хозяйства: оседлые рыболовы, полуоседлые охотники-рыболовы и охотники на северного оленя [17, с. 4–9]. В данной статье мы сфокусируем внимание на коллективах, экономической базой которых является оседлый рыболовный промысел на крупнейшей в регионе реке. Опорным памятником для изучения является поселение Горный Сомотнел-1, в качестве вспомогательных памятников можно указать стоянку Салехард-I (слои, относящиеся к энеолитическому времени) [18, с. 20] и пос. Усть-Васьеган [19, с. 524].

Поселение Горный Сомотнел-1 находится в Приуральском районе Ямало-Ненецкого автономного округа, в 22 км к юго-западу от поселка Салемал, на правом берегу реки Обь. Комплексные исследования проводились в течение 5 лет, полевые сезоны 2009–2014 гг. Вскрыта площадь 328 м², исследованы остатки хозяйственных и жилых построек, накоплена коллекция артефактов, в которую вошли керамический материал и каменные орудия труда, остатки изделий из бересты, собрана остеологическая коллекция. Сохранившиеся от построек два столба из лиственницы позволили провести датировку по методу дендрохронологии (время формирования сохранившихся периферийных годовых колец – 2955 и 2999 годы до н.э. соответственно). Также датировка комплекса проведена по методу радиоуглеродного датирования, хронологический интервал дат – 3060–2090 гг. до н.э. Культурная атрибуция памятника несколько затруднена, так как основной материал для нее – коллекция керамических сосудов – обладает уникальными чертами и не находит прямых аналогий в известных нам керамических материалах севера Западной Сибири и сопредельных территорий, что оставляет пока открытыми вопросы культуро- и этногенеза. Каменная индустрия поселения в целом характерна для эпохи неолита–энеолита региона, ее можно отнести к так называемым «сланцево-кварцевым» [20, с. 38; 21, с. 14]. При анализе каменного инвентаря поселения был сделан вывод, что ключевой источник сырья –

галечно-валунные отмели, расположенные в «шаговой» доступности от памятника. В то же время одиночные находки орудий из нетипичных для отмелей материалов (зеленоватый змеевик, кремль) при отсутствии следов дебитажки этих пород ставят вопрос о внутрирегиональном импорте сырья из специализированных выработок [22, с. 149]. Анализируя материалы, не стоит также забывать, что в энеолитическое время климат здесь был в целом мягче и соответствовал зоне северной тайги (в настоящее время этот район относится к пограничью лесотундры и тундры). Данные выводы подтверждаются в том числе и исследованиями микробиоморфных остатков в культурных слоях памятника и фоновых почв [23, с. 306]. Наличие в непосредственной близости от памятника обширной ресурсной базы обеспечивало древнее население необходимыми материалами. Так, наличие качественного леса давало древнему населению возможность сооружения и ремонта плавсредств, орудий лова, промысловых сооружений, строительства, а также обогрева жилищ в холодное время года [24, с. 55]. Наличие в непосредственной близости от поселения галечно-валунных отмелей русла р. Оби, являющихся источником каменного сырья, а также открытые линзы качественной глины давали возможность древним мастерам в необходимых количествах обеспечивать хозяйство орудиями труда и посудой. Расположение поселения на достаточно высокой террасе в большей части времени функционирования защищало жилые строения от паводковых процессов и заболачивания, а по Оби – крупнейшей водной артерии региона – вполне могли осуществляться передвижения и связанные с ним контакты населения. Таким образом, сочетание природных, климатических, ресурсных факторов в полной мере отвечает набору условий, необходимому для успешного и долговременного функционирования поселения [25, р. 22].

Мощность культурного слоя памятника составляет от 0,7 до 2 м и более, что выделяет поселение Горный Сомотнел-1 среди ранее исследованных памятников эпохи неолита–бронзы на территории Нижнего Приобья. Другой отличительной чертой поселения является обилие артефактов с достаточно небольшой вскрытой площади – 37240 единиц. К его важным особенностям также относятся: выразительный многокомпонентный керамический комплекс, хорошая сохранность изделий из органических материалов (фрагменты рыболовной сети, берестяная оплетка каменного груза, фрагменты каркасно-столбовой конструкции жилища, выстилки из сшитых между собой листов бересты и др.).

На поселении отсутствуют следы обработки металла и металлические изделия, дающие основания для оперирования понятием «энеолит». Вместе с тем памятник синхронен энеолитическим поселениям Нижнего Приобья, Южного и Среднего Урала, Среднего Прикамья, обитатели которых уже владели навыками металлопроизводства и использовали медные вещи. По нашему мнению, логично отнести поселение Горный Сомотнел-1 к периоду позднего неолита–энеолита.

Рассмотрим материалы, непосредственно характеризующие рыбный промысел. К прямым свидетельствам его наличия, в первую очередь, относятся

грузила для сетей различных типов, берестяные поплавки (рис. 1: 1), фрагмент сети из растительного материала. Грузила представлены двумя типами. Первый тип – массивные каменные грузила, изготовленные из уплощенных округлых в профиле галек, в центральной части которых пикетажем и сверлением проделаны ровные отверстия (рис. 1: 3). Дисковидный правильный профиль зачастую дополнительно оформлен грубой обивкой. Таких грузил в коллекции насчитывается 7. Стоит отметить, что массивность грузил, их сравнительно большой размер и вес обусловлены несколькими факторами. Так, одним из технологических требований к конструкции снаряда, состоящего из сети, поплавков и грузил, является его устойчивость при мощном течении и волне. Кроме того, грузило должно выдерживать сопротивление попавшей в сети рыбы. При оценке веса грузил этого типа стоит учитывать разность удельного веса, определяемого плотностью среды (в нашем случае – воды). Второй тип – кибасы, составные изделия, пред-

ставляющие собой некрупные гальки, завернутые в лист бересты, концы которого свернуты в жгуты (рис. 1: 4). Таких грузил к настоящему времени обнаружено два. Интересно, что тип грузил-кибасов в материальной культуре коренных малочисленных народов Севера сохраняется вплоть до этнографической современности. Отдельной удачей стала находка фрагмента рыболовной сети в 2010 г. Благодаря работе лаборатории реставрации МВК им. И.С. Шемановского удалось восстановить ее первоначальный вид. Сплетенная из растительных волокон сеть имела ширину ячеей 60 миллиметров. Для вязки использовался «простой» узел (рис. 1: 2). Стоит отметить: ячейя 50–60 миллиметров – наиболее востребована для промысла средней и крупной рыбы на большой воде, современные рыбаки (работники рыбопромысловых артелей, ведущие летний лов в непосредственной близости от археологического памятника) используют ставные сети со схожими размерами ячейи.

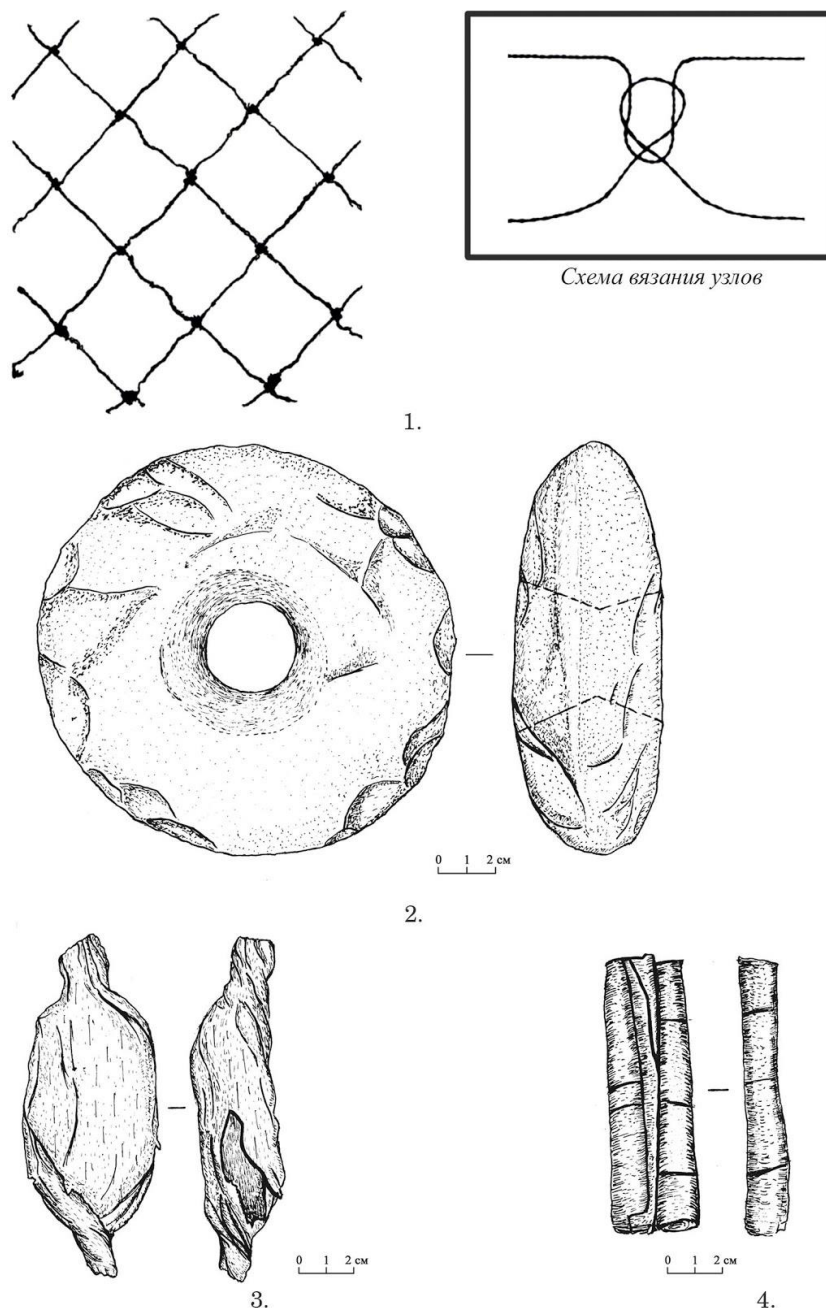

Рисунок 1 – 1 – фрагмент сети, растительные волокна; 2 – грузило, камень; 3 – грузило-кибас, камень, береста; 4 – поплавок, береста

О составе промысловой ихтиофауны нам, к сожалению, известно немного, так как костные останки в слоях памятника практически не сохранились. Лишь в полевом сезоне 2013–2014 г. остеологический материал, пригодный для видового определения, был обнаружен в линзе вечной мерзлоты, на дне хозяйственной ямы. Эти находки позволили определить таксоны рыб *Locus locus* (налим), *Esoc lucius* (щука обыкновенная), Salmonidae (лососевые, уточнение до семейства) [26, с. 143].

Интересные данные дал анализ пищевого нагара, сохранившегося на части керамических сосудов. По данным содержания изотопов ($\delta^{13}\text{C}\text{‰}$ и $\delta^{15}\text{N}\text{‰}$) в исследованном в РГПУ им. А.И. Герцена пищевом нагаре можно отметить, что из 21 образца 4 интерпретируются как остатки пищи со значительной долей пресноводной рыбы, в 7 – пресноводная рыба и растительность. Оставшиеся 10 образцов интерпретируются как остатки растительной пищи и водных растений. Таким образом, основой рациона древнего населения можно считать рыбу и водные растения.

В целом, на основе приведенных материалов можно утверждать, что рыбная ловля выделилась в отдельную хозяйственно-экономическую модель, позволившую древнему населению освоить в энеолитическое время берега крупных водных артерий. Безусловно, рыболовство, наряду с охотой на крупных млекопитающих и водоплавающую птицу, было базовой частью древней экономики, обеспечивающей выживание человеческих коллективов в суровых климатических условиях Заполярья. Мы склонны считать, что именно рыболовство, основанное на эксплуатации колоссальных биоресурсов Оби, позволило древнему населению постоянно проживать в крупных стационарных поселениях, с большими жилищами и значительным, по меркам каменного века, населением [27, с. 1053].

Рассматривая экономическую составляющую древнего населения Арктических регионов, исследователи зачастую дают оценку их хозяйства как, прежде всего, мигрирующего и кочевого. Не в последнюю очередь это связано с наиболее ярким компонентом северных культур – оленеводческим комплексом. Исследования последних лет позволяют нам, с известной долей осторожности, охарактеризовать хозяйственно-экономический уклад, позволивший человеческим коллективам полноценно освоить регион в ранние эпохи, в частности в энеолитическое время, и надолго закрепиться в нем, как оседлое рыболовство.

Список литературы:

1. Борисковский П.И. Древнейшее прошлое человечества. М.: Наука, 1980. 240 с.
2. Чайлд Г. Прогресс и археология. М.: Гос. изд-во ин. лит-ры, 1949. 192 с.
3. Кларк Дж.Г. Доисторическая Европа (Экономический очерк). М.: Наука, 1953. 348 с.
4. Ефименко П.П. Первобытное общество. Киев: Изд-во АН УССР, 1953. 664 с.
5. Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л.: Наука, 1976. 192 с.
6. Рогачев А.Н., Гурина Н.Н., Любин В.П. и др. Достижения археологической науки в СССР // Советская археология. 1967. № 3. С. 9–19.
7. Формозов А.А. Из истории передвижения групп первобытного человека в эпоху мезолита // Советская этнография. 1953. № 1. С. 168–172.
8. Окладников А.П. и др. История Сибири. Древняя Сибирь. Л.: Наука, 1968. Т. 1. 452 с.
9. Эверстов С.И. Рыболовство в Сибири. Каменный век. Новосибирск: Наука, 1988. 144 с.
10. Сериков Ю.Б. К вопросу о функциональном назначении так называемых гарпунов // Стратегии жизнеобеспечения в каменном веке, прямые и косвенные свидетельства рыболовства и собирательства: мат-лы междунар. конф., посв. 50-летию В.М. Лозовского / под ред. О.В. Лозовской, А.А. Выборнова, Е.В. Долбуновой. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 177–179.
11. Буров Г.М. Рыбная ловля в эпоху мезолита на Европейском Севере России // Российская археология. 2011. № 2. С. 5–15.
12. Буров Г.М. Прочная оседлость и закорное рыболовство у неолитических племен Северо-Восточной Европы // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М.: Издательство института географии АН СССР, 1974. С. 283–287.
13. Ошибкина С.В. О рыболовстве у населения Восточного Прионежья в эпоху мезолита // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы. Л.: Наука, 1991. С. 203–217.
14. Murdok G.P. The current status of the world's hunting and gathering peoples // Man the hunter. Routledge, 2017. P. 13–20.
15. Чаиркина Н.М. Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2005. 312 с.
16. Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. М., Наука, 1984. 245 с.
17. Тупахина О.С., Тупахин Д.С. Хозяйство энеолитического населения Нижней Оби // Научный вестник ЯНАО. 2016. № 3 (92). Обдорья: история, культура, современность. С. 4–10.
18. Кардаш О.В. Раскопки стоянки Салехард I (Обской городок) в 1946 и 2000 годах // Материалы XIII Западно-Сибирской археолого-этнографической конф. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2005. С. 17–20.
19. Чикунова И.Ю. Городище Усть-Васьеган I в Северном Приобье // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. III. Казань: Отечество, 2014. С. 554–558.
20. Погодин А.А. Кварцевая индустрия на севере Западной Сибири // XIV Урал. археол. совещ.: тез. докл. 21–24 апреля 1999 г. Челябинск: Рифей, 1999. С. 37–38.
21. Косинская Л.Л. Сырьевая стратегия и камнеобработка как аспекты культурной адаптации (по материалам неолитических памятников севера Западной Сибири) // Уральский исторический вестник. 2010. № 2. С. 13–24.
22. Косинская Л.Л. Комплекс неолитических памятников в урочище Увыр-Пай // Археология Арктики: тез. докл. I междунар. конф. Екатеринбург: Деловая пресса, 2017. С. 148–150.
23. Тупахина О.С., Тупахин Д.С. Микробиоморфный анализ почв поселения Горный Самотнел-1 // Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи: мат-лы всерос. науч. археол. конф. (Сургут, 1–4 октября 2013 г.). Екатеринбург – Сургут: Магеллан, 2013. С. 306–308.
24. Тупахин Д.С. О роли древесины в хозяйстве древнего населения Нижнего Приобья (по материалам поселения Горный Самотнел-1) // Археология

Арктики: тез. докл. I междунар. конф. Екатеринбург: Деловая пресса, 2017. С. 57–60.

25. Herz N., Garrison E.G. Geological methods for archaeology. Oxford: University Press, 1997. 343 p.

26. Номоконова Т.Ю. и др. Хозяйственная деятельность населения Нижнего Приобья в эпоху энеолита (по фаунистическим материалам поселения Горный Сомотнел-1) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 1 (36). С. 143–150.

27. Тупахина О.С., Тупахин Д.С. Реконструкция социально-экономических отношений в энеолите Западносибирского Заполярья по результатам междисциплинарных исследований поселения Горный Сомотнел-1 // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе: сборник научных статей: в 3 т. / отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. Т. III. С. 85–89.

ROLE OF FISHING IN THE FINAL STONE AGE OF THE LOWER OB REGION (ON THE MATERIALS OF THE SETTLEMENT GORNY SOMATNEL – I)

© 2018

Tupakhina Olga Sergeevna, candidate of historical sciences, senior researcher of Archaeology Department
Tupakhin Daniel Sergeevich, junior researcher of Archaeology Department
Arctic Research Center (Salekhard, Russian Federation)

Abstract. The role of fishing in the human history is very high. Though meat is considered to be an important product of hunting, fish has been a basic component of the food system of human groups in different climatic and geographical conditions. This is explained by the fact that groups lived next to water resources (lakes, rivers, seas, oceans) that had a high nutritional value. The first evidence of fishing existence as an independent economic sector belongs to the Paleolithic time, and its further development goes throughout human history, having developed from the simplest forms of fishing using primitive harpoons to modern forms of industrial fishing using a specialized fleet. The period under review, final Stone Age, is characterized by massive use of fishing nets. We assume that this method became a base of effective adaptation strategy, making it possible to develop the Lower Ob area with its difficult climate. The issues raised in this paper involve the role and importance of fishing economy for West Siberian North as well as for ancient economies of the North and Arctic regions.

Keywords: ancient adaptation strategy; fishing net; Lower Ob region; economic adaptation; sedimentary fishing; aquatic resources exploitation; Arctic archaeology; faunistic remains analysis; stable isotopes pottery analysis.

УДК 903.8; 903.21

DOI 10.24411/2309-4370-2018-14207

Статья поступила в редакцию 29.08.2018

КЛЮВОВИДНЫЕ ПРЕДМЕТЫ И ОРУДИЯ РЫБНОЙ ЛОВЛИ ИЗ РИТУАЛЬНЫХ «КЛАДОВ» ВОЛОСОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ СО СТОЯНКИ САХТЫШ-II (ЦЕНТРАЛЬНАЯ РОССИЯ)

© 2018

Костылёва Елена Леонидовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России
Ивановский государственный университет (г. Иваново, Российская Федерация)
Мацане Айя, аспирант исторического факультета
Университет Гётеборга (г. Гётеборг, Королевство Швеция)

Аннотация. Могильник Сахтыш-II (Центральная Россия) относится к финальному этапу развития волосовской культуры эпохи энеолита. Он исследовался в 1960–1980 годы Верхневолжской экспедицией ИА РАН. На его территории было обнаружено около двадцати ритуальных «кладов». Они представляли собой скопления артефактов со следами воздействия огня. Среди них находились и разнообразные орудия рыболовства: зубчатые острия, гарпуны, рыболовные крючки. Мы полагаем, что клювовидные изделия из кости, назначение которых до сих пор дискутируется, также являются гарпунами. Разнообразие форм орудий может говорить о специализации в области рыболовства. Время сокрытия «кладов» определяется радиоуглеродными датами по образцам угля из ритуальных кострищ: 3820 ± 40 , 3900 ± 40 и 4190 ± 50 ВР (Je-2617, 2613, 2615). Однако по костям животных (медведь и барсук) из двух «кладов» (№№ 9 и 11) в 2017 году в лаборатории Белфаста были получены новые AMS даты: 4730 ± 41 и 4445 ± 37 . Достаточно существенное различие новых дат с предыдущими может быть связано с резервуарным эффектом, обусловленным тем, что в рационе питания этих всеядных животных присутствовала рыба. А также с тем, что эти два клада, расположенные вне зоны основных ритуальных площадок, относятся к более раннему времени.

Ключевые слова: Центральная Россия; Ивановская область; энеолит; волосовская культура; могильник Сахтыш-II; ритуальные клады; орудия рыболовства; рыболовные крючки; гарпуны; клювовидные изделия неясного назначения; радиоуглеродные даты; проблема достоверности дат; резервуарный эффект.

Памятник археологии Сахтыш II, входящий в состав сахтышского археологического комплекса, находится в центре Русской равнины (Ивановская обл.) (рис. 1). Он располагается на левом берегу р. Койка, вытекающей из палеозера Сахтыш (рис. 2). Памятник является многослойным (мезолит – ранний железный век) и полифункциональным (стоянка, посе-

ление, могильник, святилище). Он исследовался в 1960–1980 гг. Верхневолжской экспедицией ИА АН СССР под руководством Д.А. Крайнова.

Специальных публикаций поселенческих материалов сравнительно немного [1; 2]. Обычно в контексте более широких исследований представлялись наиболее яркие артефакты, связанные с бытом, про-